

Конец братства

Всё происходящее в те дни напоминало мне сложный, многоактный спектакль. Люди выходили на сцену по очереди, а я, словно замороженный зритель в партере, наблюдала за их игрой. Каждый упивался своей ролью. Для одних это был час триумфа — лекторы и организаторы с таким упоением демонстрировали своё превосходство, что, казалось, на время затмевали собой даже фигуру Посланника. Другие — те, кто попроще, — метались в раздражении или растерянности. Я мгновенно считывала их состояния, выхватывая истину не из слов, а из колючих взглядов и едва заметных нервных жестов.

Наблюдая за другими, я совершенно не осознавала своего собственного места в этой пьесе.

Когда подошла наша очередь выходить на сцену, я почему-то оказалась первой в ряду — и потому первой должна была говорить. Я произнесла простые, почти наивные слова: о том, как рада быть здесь не одна, а рядом с единомышленниками, как верю, что вместе, одной командой, мы справимся с любыми задачами.

Говоря это, я смотрела в застывшие, словно остекленевшие глаза Дарьи. В них не было отклика — ни тепла, ни сомнения, ни даже раздражения. Только неподвижность. Я обернулась к остальным — и увидела, что все, кроме Татьяны Павловны, опустили глаза. Будто между нами внезапно пролегла невидимая черта, которую уже никто не собирался переступить.

Я никогда не забуду это чувство — ледяное, пронизывающее. Когда ты говоришь с надеждой об одном, а остальные уже давно без

тебя решили совсем другое. Они молчали, укрывшись этим молчанием, как щитом, и довели происходящее до абсурдного, довольно жестокого финала.